

Глава 4. Особняк семьи Пэй — вдохновение от воспоминаний!

Проживание на шумной улице — означает невозможность поспать спокойно.

На следующее утро, еще до рассвета, Пэй Ситин встал со своей кровати под натиском шумных звуковых волн. Он словно бесцельная душа поднялся к туалетному столику и сел. В течение короткого времени его взгляд был рассеянным, веки затянулись. Внезапно он схватил собственные волосы и достал ножницы из корзинки.

— Что ты делаешь?!

Как только он открыл глаза, Цин Линьлинь увидел, что Пэй Ситин сидит перед зеркалом и собирается стричься. Он так испугался, что чуть не потерял сознание.

Это крик чуть не заставил Пэй Ситина порезать левую руку.

Цин Линьлинь поднял одеяло, встал с кровати, топая деревянными туфлями и вырвал у него ножницы, сказав:

— Хоть остригание головы и не является наказанием уже как восемь сотен лет, ты не можешь просто так отрезать волосы. Это сократит твою жизнь!

— Суеверие, — зевнул Пэй Ситин.

— Твои волосы — также дар от родителей, разве ты не говорил это раньше? — Цин Линьлинь аккуратно положил ножницы обратно в корзинку. Вдохновлённый зевком Пэй Ситина, он тоже потянулся, сказав:

— Мм... На самом деле, я тоже считаю, что поговорка о том, что волосы — знак долгожительства, — ложь, но не отстригай такой длинный локон — тебя могут «отделать» старшие при возвращении домой. Посмотрим, захочешь ли ты снова стричься после этого.

Пэй Ситин неподвижно уставился в зеркало. Хоть у него изначально были волосы до плеч, текущая длина уже была для него слишком. Без фена будет трудно мыть и укладывать.

— Ладно, третий молодой господин Пэй, — мягко сказал Цин Линьлинь, поддерживая его за плечи, — этот покорный слуга сделает вам причёску!

Он провел расческой по его волосам, чувствуя себя довольным:

— Прежде чем я стал главным содержанцем, я подрабатывал слугой и изучил несколько простых причёсок... Хотя сейчас занимаюсь другим видом «грубой» работы.

Пэй Ситин, следя за скоростью знающего свое дело человека, спросил:

— А как принц Нин относится к тебе?

Цин Линьлинь ответил:

— Очень хорошо, иногда приходит ко мне, чтобы сделать причёску. Готов тратить деньги, никаких извращений или садистских наклонностей, и от его внешнего вида меня не тошнит. Самое главное, находясь с ним рядом, другие даже не пытаются стянуть с меня штаны. Обычно ко мне приходят просто послушать мои песни... Кстати, я сшил новое красное платье с перекрестным воротом. Стиль и ткань хорошие, только оно слишком длинное; я ещё не нашел

человека, который бы поправил длину. Примерь — понравится ли тебе.

Пэй Ситин очень любит красный, но «Пэй Ситин», который всегда носит сдержанные цвета, сказал без особого интереса:

— Не привык носить красное.

Цин Линьлинь усмехнулся и ответил:

— Людям с белой кожей идут любые цвета! На что ты жалуешься со своим гардеробом из бледных вещей? Даже с хвостом между ног ты всё равно желанен. Чего бояться?

— Это имеет смысл. Тогда, пожалуй, я попробую, — сказал Пэй Ситин, словно волк с большим хвостом. — Но я собираюсь пролазить через стену позже, так что не смогу надеть это на улицу.

— Посмотрим, подойдет ли. Если подойдет — я упакую для тебя. Леню ждать, когда кто-то переделает. — Цин Линьлинь бросил вещи на стол и направился к шкафу. — Сейчас поищу ещё одну; а пока что — довольствуйся.

Пэй Ситин взглянул на маленькую деревянную расческу, застрявшую у него на голове, провел ею и небрежно завязал высокий хвост.

После обеда, скрываясь в тени, он вернулся в особняк семейства Пэй с небольшим мешком за спиной. В это время даже собака спит, так что было самое подходящее время, чтобы тихо прокрасться внутрь.

Перед тем как войти в особняк, Пэй Ситин нашёл уголок, чтобы тайком понаблюдать, и действительно увидел двух подозрительных «прохожих». Скорее всего, это были люди Шангуань Цзе, который боялся его «белой луны» и не решался похищать людей прямо, а мог только следить из тени и ждать удобного момента, чтобы засунуть цель в мешок.

Пэй Ситин обошёл этих двоих и направился к чёрному ходу. Стена там была более трех метров высотой. Он отступил на пару шагов, разогнулся и прыгнул, ухватившись за край. В руке что-то хрустнуло.

Вот уж эта физическая форма...

Пэй Ситин втянул воздух сквозь зубы, упёрся левой ногой в стену и, напрягшись изо всех сил, вытолкнул себя вверх. Наконец высунул голову — и увидел, что творится внутри: дворик был небольшой, с несколькими акациями. Привратник сидел на табуретке под одной из них, книга в руках, а глаза — широко распахнуты, уставились прямо на него.

— Тс-с, — Пэй Ситин вытянул губы и сделал жест, стараясь перебраться на карниз и спрыгнуть вниз.

Привратник, опомнившись, яростно протёр глаза, чтобы убедиться, что это действительно Третий молодой господин. Вскочил, оглянулся по сторонам, и, убедившись, что рядом никого нет, торопливо подошёл на пару шагов ближе и шёпотом спросил:

— Третий молодой господин, почему и вы через стену лезете?

Пэй Ситин отряхнул влажную землю с ладоней, вытер их носовым платком и посмотрел на привратника, чья стойка напоминала повадки вора. Всё стало ясно: ставка сыграла.

— В оригинале упоминалось, что Пэй Цзинтан — мастер лазить через стены, и впервые он столкнулся с Шангуань Цзе именно за этой стеной. Пэй Цзинтан часто так убегал играть по ночам, а привратник заднего двора, дядюшка Шунь, был им уже подкуплен.

Пэй Ситин рассчитал, что Шунь-эр не станет его сдавать. Иначе Ван-ши начнёт строго следить за чёрным ходом, перекроет Пэй Цзинтану пути для прогулок, и самому Шунь-эру не поздоровится. Он достал половину ляна серебра и протянул:

— Сегодня ты меня не видел.

Шунь-эр был слугой второго класса, его месячное жалование составляло один лян. Каждый раз, когда Второй молодой господин перелезал через стену и возвращался, он давал ему двести монет. Поэтому, получив полляна, Шунь-эр даже смутился:

— Не надо столько... Ста монет вполне достаточно.

Хотя оба молодых господина получали по два ляна в месяц, Второй был законнорождённым сыном и пользовался большим расположением — естественно, ему выпадали дополнительные награды от хозяина и госпожи. Третий молодой господин таким баловнем не был и у него с деньгами было хуже, поэтому Шунь-эр решил сделать ему «скидку».

Пэй Ситин посмотрел на него и сказал:

— Запиши в долг. В следующий раз снова приду.

Не иначе как злые духи вселились... Раньше же Третий молодой господин был самым образцовым! Но слуге не положено задавать такие вопросы.

— Тогда... я возьму, — Шунь-эр сунул серебро в рукав и виновато улыбнулся. — Осторожнее туда-сюда ходите. Если заметят... хоть это и пустяк — за плату выполнить поручение, но всё же лучше быть осмотрительным. Не так ли?

Пэй Ситин кивнул и направился прочь.

Шунь-эр видел, как он идёт, высоко подняв голову, с быстрым уверенным шагом — совсем не таким, как прежде. Раньше Третий молодой господин был словно тонкий зелёный бамбук, будто сдерживаемый ржавыми цепями.

Пэй Ситин пошёл в Суинчжай. Этот маленький дворик отец Пэя выделил для Бу Суйин, но его былые чувства давно остыли. Бу Суйин больше не была той феей, от которой сходил с ума весь город, в глазах этого чиновника седьмого ранга. Теперь она — обычная наложница.

Человеку действительно легко остыть сердцем.

Когда он вошёл во двор, раздался мягкий женский голос:

— Третий молодой господин.

У дверного полога спальни стояла женщина в лёгкой юбке из воздушной ткани; на виске — заколка-нарцисс, а глаза — печальные, но прекрасные — смотрели прямо на него.

Во дворе почти не было прислуги, и он подошёл, приветствуя по правилам:

— Матушка.

— Мгм, — Бу Суйин улыбнулась. — Утром я сделала лепёшки из цветов акации, зайди, попробуй.

Пэй Ситин поднял полог и последовал за ней внутрь. Они сели за маленький столик в передней комнате. На белой фарфоровой тарелке лежали пять маленьких изящных лепёшек из акации.

Кормилица Чжан принесла воду. Пэй Ситин вымыл руки, взял одну и откусил. Сладость акации, мягкий молочный аромат — вкус нежный, совсем не приторный; мастерство было налицо.

Бу Суйин налила ему чаю. Пэй Ситин поблагодарил и, съев лепёшку, выпил две чашки. Затем спокойно прочистил горло:

— Остальное доем потом... когда вернусь.

Бу Суйин велела Кормилице Чжан принести коробку для угощений, положила в неё тарелку и сказала Пэю:

— Больше сегодня не ешь, а то живот заболит.

Пэй Ситин послушно кивнул и снова подошёл к умывальному столику, чтобы вымыть руки.

Взгляд Бу Суйин скользнул за ним и остановился на его шее. Она нерешительно спросила:

— Сейчас ведь не холодно... зачем ты надел шарф?

— Это марля. Она сама по себе охлаждает и ещё защищает от солнца, — совершенно невозмутимо соврал Пэй Ситин. Бу Суйин и не подумала сомневаться — в её глазах «Пэй Ситин» не умел лгать.

Высушив руки, Пэй Ситин вынул из кармана широкого рукава небольшой фарфоровый флакончик и протянул его Бу Суйин:

— Это тот самый лotosовый румянец, о котором все говорят.

На момент, когда он перенёсся в книгу, заветным желанием «Пэй Ситина» было накопить денег и купить матери коробочку красивых румян. Поэтому, прежде чем вернуться домой, он спросил у Цин Линьляня: какие сейчас самые популярные? Тот ответил, что именно лotosовая банка нынче в моде.

Вчера перед сном Пэй Ситин трижды звал «Пэй Ситина», но душа не откликнулась. Ничего не произошло. Где сейчас настоящий «Пэй Ситин» — вернулся ли он в тело «современного» себя — он не знал и не мог проверить.

Он не собирался мстить за «Пэй Ситина», но раз уж судьба привела его сюда занять его место — даже если судьба эта дурная, — он не мог закрыть глаза на его родную мать. У него не было присущих тому мальчику мягкости и доброты, но бросить Бу Суйин он не мог. Минимум, что он мог сделать, — позаботиться о ней.

— ...Это стоит десять лянов серебра? — Бу Суйин хоть и не выходила из комнаты уже несколько лет, но время от времени болтала с наложницей Ли. Та как-то упоминала о лotosовом румянце — мол, он невероятно популярен среди столичных дам, да только цена такая, что им и не мечтать.

Бу Суйин удивлённо посмотрела на сына:

— Откуда у тебя столько денег?

— Заработал, делая женщинам макияж, — ответил Пэй Ситин.

На самом деле здесь были и благодарности от семьи Мэй, и тридцатипроцентная награда от Цин Линьлиня. Он не хотел принимать долю Цин Линьлиня, но тот парень мог вспыхнуть в любой момент, так что он временно согласился — позже отдаст вдвое.

Бу Суйин протянула руку. Её тонкие пальцы осторожно сомкнулись на изящном фарфоровом флакончике. Ладонь теплеет, сердце — тоже. Она с тихим восхищением и удивлением сказала:

— Когда ты научился красить?

— Это ведь всего лишь кисти и краски, почти как рисовать, — ответил Пэй Ситин. — Но я умею только простой макияж.

Бу Суйин улыбнулась, брови и взгляд смягчились:

— Спасибо... сын.

Она давно не наряжалась — да и для кого?

— Не за что, — Пэй Ситин чувствовал себя неловко в разговорах с родителями и старшими, а с Бу Суйин он и вовсе был не знаком. Он опасался, что ещё чуть-чуть — и повиснет неловкая пауза, поэтому повернулся, взял коробку с едой и сказал: — Я навещу тебя в другой день.

Бу Суйин кивнула, проводила его до дверного порога и, глядя на тонкую спину, проводила его взглядом — пока он не вышел из двора, не свернул за угол и не исчез.

Издали подошла Кормилица Чжан.

— Чего вы так смотрите? — спросила она.

— Сегодня он какой-то холодный, — нахмурилась Бу Суйин. — Неужели его кто-то обидел?

Кормилица Чжан утешила её:

— Мне кажется, наоборот — наш третий молодой господин чуть окреп, стал твёрже, не такой мягкий, как прежде.

Она взяла Бу Суйин за руку, указала на румянец:

— Всё равно третий молодой господин к вам не охладел.

— Человек не меняется без причины... если только в его жизни не произошло что-то важное. У него такой характер — его легче всего обидеть. А я даже защитить его не могу... — Бу Суйин закрыла глаза от боли, повернулась и скрылась в комнате.

Кормилица Чжан тяжело вздохнула. Она служила здесь с тех пор, как госпожа Бу вошла в дом, и видела, как цветущая девушка постепенно увяла, оставив лишь пустую оболочку. Она жалела эту мать с сыном — но помочь не могла. Оставалось надеяться, что третий молодой господин

сумеет измениться и вырвать себе будущее.

Слуги двора Ванчунь занимались своими делами, но делали всё кое-как. Третий молодой господин был мягким и никогда их не наказывал. Поэтому, хотя он не вернулся домой на неизвестно какую ночь, никто не пошёл жаловаться госпоже. Если накажут молодого господина — слугам тоже достанется. А вдруг он рассердится и сам пожалуется на их лень?

Пэй Ситин вошёл во двор и сразу увидел дворника, который, покачивая головой и напевая, лениво водил метлой. Он уже три раза пытался смести один-единственный лист, но так и не смёл — сущий лодырь.

Пэй Ситин ничего не сказал и просто прошёл мимо, даже не откликнувшись на запоздалое «третий молодой господин». Только велел подготовить горячей воды для купания.

Поставив коробку с едой на стол, он даже не подумал её открывать. Он не любил сладкое и никогда не заставлял себя есть то, что ему не нравится.

Через некоторое время он вспомнил, что Бу Суйин говорила: угощение она приготовила ранним утром.

Мать и сын жили в двух разных дворах, но постоянно думали друг о друге — это чувствовалось. Пэй Ситин же со своими родителями почти не бывал вместе, и даже когда разговаривал с ними, всё было далеко не так легко и естественно, как с дядюшкой-блинопёком у ворот его средней школы или с водителем, который забирал его каждый день. Между ними всегда лежал холодок — скорее нечто вроде строгой иерархии начальников и подчинённых.

В двух семьях брак был сделкой, а рождённые дети — не плод любви, а запасной фонд наследников для семейного дела. Уже в средней школе Пэй Ситин не ждал от семьи никакой теплоты. Любовь, которую нужно выбивать, трудно заслужить и легко потерять; по большому счёту, она не стоит того. По крайней мере, у него всегда были деньги — лучше, чем жить без денег и без любви.

Он открыл коробку и, поморщившись, запихнул в себя ещё одно пирожное. Остальное есть не хотелось вовсе. Тогда Пэй Ситин поднялся и ушёл в боковую комнату принимать ванну.

Горячая вода окутала тело, и он расслабленно выдохнул. Но стоило ему закрыть глаза, как перед ним всплыла пара глаз.

Таких глаз Пэй Ситин никогда не видел. Прекрасные, но затуманенные, бездонные. Один лишь взгляд — и на тебя обрушивается величие и сила, но при этом в них нет ни остроты, ни зла. Это была не просто холодная надменность человека, опирающегося на своё высокое положение, а решимость и мудрость, будто впитанные им с рождения.

Нынешний наследный принц Дайе, по фамилии Цзун, с благородным именем Фучуань.

А вот личное имя пока неизвестно.

В оригинальной книге принц упоминался всего дважды. Первый раз — накануне, на дне рождения Мэй Цзяна.

«Принц прошёл по коридору, остановился, чтобы полюбоваться розовыми и белыми розами за окном, велел приготовить кисти и тушь, сделал рисунок, затем постоял немного и тихо сказал: "Есть форма, но нет духа... выбросить."»

Второй раз — на дворцовом пире: принц отведал по три кусочка каждого блюда. Автор передал его мысли всего двумя мазками: «Восемь деликатесов не сравнятся с прибрежным травяным карпом.»

Пэй Ситин, прочитав это, тут же проголодался — он тоже любил рыбу. Он связался с рестораном, заказал тушёную рыбу и отправил её к себе домой, собираясь потом поесть... Но поесть он так и не успел. Переселение всё испортило!

Пэй Ситин сердито хлопнул по воде.

В общем, из этих двух сцен он вывел три полезные детали о принце.

Во-первых, в ночь рождения Мэй Цзяна наследный принц появится в особняке семьи Мэй. Если пробраться во внутренний двор и найти окно с розами, можно будет увидеть его.

Во-вторых, принц любит рисовать, но у него выходит не слишком живо, а пользоваться он может только деревянной кистью — и тайно этим недоволен.

В-третьих, принц, похоже, любит рыбу, и истинные вкусы он раскрывает лишь за пределами дворца.

Так родился случайный план Пэй Ситина: познакомиться с принцем и, если повезёт, произвести хорошее впечатление — словом, ухватиться за толстое бедро.

В этом чужом мире, если он хотел защитить собственную задницу, иного пути не было. Он ведь не мог за одно дыхание овладеть непобедимыми боевыми искусствами, не мог сбежать, и не мог заставить группу мерзавцев-гунов забыть идею использовать «Пэй Ситина» как замену и наклеить на себя талисман «никогда не видеть Пэй Ситина».

Группа этих мерзавцев была слишком влиятельной, и обычных «бедер» против них не хватило бы — нужно было потолще. А таких кандидатов — всего пара.

Хвататься за бёдра, особенно за самые толстые, — дело тонкое. Ошибёшься — и тебя пнут в стену так, что не слезешь, а то и превратят на месте в удобрение.

Но что ж... удобрением стать всё же лучше, чем повторить судьбу «Пэй Ситина».

Пэй Ситин открыл глаза и поводил пальцами по воде.

Хотя наследный принц формально лишь на шаг ниже одного человека — императора, сейчас весь двор Дайе фактически в его руках. Почему он не делает последний шаг — неизвестно.

У этого человека золото и нефрит*, и он сидит на четырёх временах года**; слишком богат, чтобы его легко разгневаться или порадовать. Он привык, что ему служат. Привлечь его внимание может только вызов власти. Но это значит погладить тигра против шерсти, а если тигр взмахнёт лапой — мозги разлетятся. Поэтому Пэй Ситин избрал середину: не трогать тигровый зад, а только осторожно почесать животик.

Он и не мечтал обмануть наследного принца. О нём ходили слухи: «убил брата, отравил отца, бездушен, неблагодарен».

Но Пэй Ситин не боялся, что его маленькие хитрости раскроют. Небольшой замысел вызывает больше доверия, чем человек с непонятными помыслами. Принц увидит в нём птичку,

хлопающую крыльями, или кота, подставляющего живот. Так даже лучше.

Кроме того, «дело» выгодное: раз распишешь бедро сегодня — можно расписать и завтра. Мысли мчались, вдохновение бурлило... Он плеснул себе в лицо холодной водой и едва успокоился.

Шлёп.

Насвистывая, Пэй Ситин забрызгал воду, затем выбрался из бадьи, высушился, оделся и нанёс мазь.

Он успел пройти по коридору всего немного, как пришёл слуга с сообщением: явился знатный гость, и госпожа велела молодому господину выйти в передний зал поприветствовать его.

По оригиналу в это время «Пэй Ситин» лежал с жаром и всё время болел, так что сцены встречи с гостем там не было. Шангуань Цзе... должно быть, ещё занят лечением своего петушка?

Пэй Ситин спросил:

— Из какой семьи?

Слуга тайком разглядывал высокого и стройного третьего молодого господина и вдруг встретился с его ясным взглядом. Его передёрнуло, и он, не успев подумать, почтительно выдал:

— Это главный секретарь от дворца Нина.

Дворца Нина?

У Пэй Ситина дёрнулся глаз. Разве это не логово второго участника группы мерзавцев-гунов — сына короля Нина, Цзун Аня?

*благородство и богатства

**владеет всем миром, т.е. имеет власть и силу

<http://bllate.org/book/11881/1061443>